
ПОЛИСЕМИЯ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОВОГО ОПЫТА

(Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. – (Studia Philologica))

Л. В. Лаенко

Воронежский государственный университет

Книга посвящена исследованию основных типов производных значений слов и основных семантических механизмов их образования. Оживление интереса к полисемии в последние десятилетия является одним из закономерных результатов смены ценностей и ориентиров в науке о языке “постструктуралистской” эпохи. Известно, что идеология структурализма делала акцент на внутренних, имманентных законах языка (это неизбежно приводило к автономизации языка, “обособлению” его как от мира, так и от человека, но в тот период именно такой акцент был продуктивен). Рецензируемая же книга написана в духе стратегий, свойственных современным лингвистическим теориям, которые определяются как “поворот к человеку” (что имеет своим результатом восстановление связи не только с человеком, но и с миром), в рамках одной из главных составляющих новой парадигмы – концепции языковой (наивной) картины мира, развиваемой в работах представителей Московской семантической школы, прежде всего, в работах Ю. Д. Апресяна, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, Е. В. Урысон и др. Она как нельзя убедительно отвечает требованиям когнитивной лингвистики, развивающей идею отражения человека в языке и влияния внутренних механизмов человека (моторных, перцептивных, когнитивных) на устройство языка в целом и поведение отдельных языковых единиц и их совокупностей. В рамках данного направления большое внимание уделяется проблемам полисемии, которая занимает особое и важное место в когнитивных механизмах языка. В отечественной лингвистике когнитивный подход является результатом не только взаимодействия с соответствующими зарубежными теориями, но и внутреннего развития, вектор которого направлен от формально-описательного принципа к объяснительному. Именно на когнитивный и функциональный подходы опирается автор в

своей разработке проблем полисемии, рассматривая означенные явления языка с позиций антропоцентричности как фундаментального свойства естественного языка, пронизывающего все его уровни и системы. Автор работы, Г. И. Кустова, исходит из того, что когнитивный подход к описанию полисемии предполагает не инвентаризацию и классификацию существующих значений, а выявление общих закономерностей работы самого механизма их образования (с. 10–11). Это позволяет восстановить связи между значениями слова и представить их как единую систему.

Основная теоретическая предпосылка рецензируемой работы состоит в том, что причина самого существования полисемии в естественном языке – когнитивная: полисемия – это одно из основных средств концептуализации нового опыта. Процесс использования “старых” знаков и приспособления их к новым функциям, их распространения на другие ситуации автор определяет термином *языковое расширение*.

Одна из главных задач, стоящая сегодня перед современной лингвистикой и которую ставит перед собою автор книги, – описание своего рода “когнитивного словаря”, т.е. тех концептуальных структур, которые связаны с языковыми знаками (и соответствующими им ситуациями и благодаря которым эти знаки можно распространить на другие ситуации), и “когнитивной грамматики”, то есть тех правил и механизмов, которые определяют такое распространение (языковое расширение). Ключевым поэтому для концептуального аппарата работы является понятие *семантического потенциала слова*. Оно включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения слова и связанной с ним ситуации и на что можно “распространить” знак, какие новые ситуации вовлекаются в его новую орбиту.

Г. И. Кустова последовательно доказывает, что реализацией семантического потенциала слова является его семантическая парадигма, то есть

набор значений определенных типов, которые в большинстве своем являются закономерным (и во многом предсказуемым) результатом применения основных стратегий семантической деривации к семантическому материалу исходного значения и связанной с ним ситуации.

Через всё пространство повествования лингвистом убедительно демонстрируется зависимость семантического потенциала слова от описываемой сферы внеязыковой действительности. Автор подразделяет последнюю на два типа сфер: энергетическую, т.е. сферу физических ситуаций, в том числе – энергетических воздействий человека на мир, и так называемую экспериенциальную (информационную), т.е. сферу воздействия мира на человека, его органы восприятия и сознание и возникающих в результате этого внутренних состояний и реакций. Исходя из принятого положения о том, что семантически богатые (в смысле набора актантов и компонентов) слова энергетической сферы описывают наблюдаемые физические ситуации с множеством признаков, которые можно использовать для концептуализации других ситуаций, а семантически бедные слова экспериенциальной сферы описывают непосредственно не наблюдаемые внутренние состояния человека, не имеющие аналогов во внешнем мире, автор прогнозирует и различия в семантических парадигмах и механизмах языкового расширения у слов энергетической и экспериенциальной сферы.

При описании закономерностей образования производных значений у слов энергетической сферы на примере разных классов глаголов физического действия концептуальной основой послужили понятия *прототипической ситуации, имплицитивного потенциала, семантической модели значения*. Для экспериенциальной сферы автор нашел необходимым опираться на понятие *экспериенциальной каузации*, позволяющее описывать закономерности семантических сдвигов в значениях слов, исходно характеризующих реакции человека (физиологические, эмоциональные, перцептивные).

Данная книга – это дидактически грамотно выстроенная работа, в которой на основе конструктивного и корректного обобщения накопленного лингвистикой знания о полисемии аргументированно излагается и убедительно иллюстрируется собственный взгляд на данное явление.

Уже из вводной части **“Проблемы лингвистического описания полисемии”** понятно, что перед нами – результат серьезных многолетних размышлений автора над проблемами полисемии

и синонимии в языке (с. 14–15), а также существенными вопросами, связанными с описанием значений языковых единиц: о языке как механизме, о когнитивных основаниях полисемии, о единстве механизмов семантического сдвига, об акцентировании и смещении как когнитивных и “упаковочных” механизмах, о семантическом потенциале и семантической парадигме многозначного слова (с. 19–34).

I часть книги **“Глаголы физического действия: модели значений и механизмы деривации”** базируется на идеологии представления глагольных значений в лексической базе данных, ориентированная прежде всего на отражение регулярных связей между значениями. Потребность в верификации полученных данных потребовала от автора выхода за пределы глагольной лексики, что она успешно делает во II части **“Механизмы семантического расширения в экспериенциальной сфере”**, привлекая к анализу иные типы ЛЕ, не только глагольные, но и неглагольные (прилагательные, наречия, предлоги). Расширение языкового материала потребовало расширения и концептуального аппарата – прежде всего за счет таких понятий когнитивной теории, как *языковое расширение (extention)* и *семантическая сеть*.

В главе I части I **“Концептуальный аппарат описания глагольных значений”**, осмысляя проблему связи значений глагольного слова с когнитивных позиций, автор делает фокус на решение главного вопроса о том, как человеку удалось реализовать семантический потенциал слова, на что ему удалось распространить. Исходя из основных факторов, от которых зависят возможности и результат семантического развития глагольного слова (внеязыковая реальность, прототипическая ситуация, категориальные свойства актантов и типы пространств, семантическая модель слова, стратегии семантической деривации), автор своевременно вводит читателя в свой концептуальный аппарат и доходчиво разъясняет собственное понимание необходимых для анализа категорий: *когнитивная модель ситуации* (с. 38), *прототипическая ситуация и импликация* (с. 39), *модели значений каузативных глаголов* (с. 42 и далее), *семантическая доминанта* (с. 45), *основные типы семантических процессов или стратегий семантической деривации*.

Концептуальный аппарат труда отличает ряд особенностей. С одной стороны, уточняется суть некоторых распространенных терминов (например, метонимии и метафоры), аргументированно вво-

дятся новые (относительно) понятия, как, скажем, *денотативная аналогия*, *метафорическая аналогия* (с. 56), *неметафорические значения* (с. 122). С другой стороны, некоторые устоявшиеся в лингвистике термины нагружаются автором собственным содержанием, как, например, *информационная сфера* “как сфера действия экспериенциальной лексики” (с. 11). Невольно возникает вопрос: разве не информативны по-своему слова рассматриваемой автором энергетической сферы? Вместе с этим, просится, как кажется, оговорка относительно того, что определения “семантически богатые слова” и “семантически бедные слова” могут быть приложими лишь к определенной группе лексики и, по-видимому, в первую очередь к глагольной, ибо, скажем, первичные номинации перцептивных признаков, попадая, по модели автора, во вторую группу информационных слов, обозначают, тем не менее, непосредственно наблюдаемые явления.

Отмеченные частные замечания и вопросы лишь подтверждают актуальность и научную значимость труда, который однозначно не оставил рецензента равнодушным в том числе.

Исходные когнитивные основания решения отмеченных проблем позволили автору, с одной стороны, по-новому взглянуть на категорию полисемии и многочисленные её аспекты, проявляющиеся в связи с этим, и, благодаря этому, с другой стороны, углубить и уточнить некоторые наши традиционные представления о сути производных значений и механизмах семантической деривации ЛЕ, в частности, глаголов действия НСВ (ч. I, гл. 2 “**Типы производных значений и механизмы семантической деривации глаголов действия НСВ**”), глаголов действия СВ (ч. I, гл. 4 “**Семантический потенциал и семантическая парадигма глаголов действия СВ**”), о семантических моделях глаголов результата, глаголов интерпретации, глаголов отношения (ч. II, гл. 6 “**Семантические модели глаголов результата, глаголов ин-**

терпретации и глаголов отношения”), о производных экспериенциальных значениях глаголов действия (ч. II, гл. 7 “**Производные экспериенциальные значения глаголов действия**”) и др.

В результате автором получены новые знания об обсуждаемых явлениях.

Так, убедительно доказано, что при анализе механизма многозначности эффективнее описывать каждую сферу по её собственным законам, а не пытаться делать обобщения и искать общие закономерности рассматриваемых сфер (энергетической и информационной), ибо, скажем, для слов энергетической сферы базой семантического развития служит не только исходное значение, но и связанная с ним прототипическая ситуация, которая является важнейшим источником семантического потенциала для производных значений. То есть оказывается, что все значения таких глаголов связаны не потому, что имеют общие компоненты, а потому, что имеют общий источник, общую концептуальную структуру. При описании же слов информационной сферы (предикатов ощущения, восприятия, эмоционального состояния, знания, мнения) под ситуацией логично понимать иное: те внешние условия, в которых эти состояния возникают, в силу того, что эти состояния – непосредственно не наблюдаемые.

В целом, рецензируемая книга – глубокое и тонкое исследование, результаты которого не только освежают наши знания об известных явлениях и категориях языка, но и подтверждают плодотворность когнитивно-дискурсивного подхода к их осмыслению и анализу и в конечном итоге позволяют углубить наши представления о взаимосвязи языка, сознания человека и окружающей его действительности.

Книга Г. И. Кустовой, бесспорно, будет востребована широкой аудиторией: и лингвистами-исследователями, и аспирантами, студентами, и преподавателями-практиками.